Рядовые ученые

Бирштейн В.Я. Мой отец Яков Авадьевич Бирштейн. М.: Новый хронограф. 2012

Изобилие юбилейных дат вызывает раздражение у научных работников. Во многих российских научных журналах происходит настоящая вакханалия юбилеев. И не только в региональных и второстепенных изданиях вроде сборников статей, как это любят делать японцы. Даже ведущий в своей области «Зоологический журнал» — и тот посвящает целые номера юбилеям отдельных ученых, даже воспоминания публикует. Создается впечатление: прослойка ученых стала столь тонка, что научные журналы просто нечем заполнять, кроме юбилейных публикаций! Возможно, некоторые научные работники просто не особенно хотят публиковаться на русском языке. Но все-таки юбилеи должны «знать свое место».

Конечно же история науки очень важна, и прекрасно, что в последние 30 лет возродились работы, посвященные не только выдающимся, но и рядовым научным работникам, прерванные в 1930-е годы; просто надо хорошо выбирать место для публикаций на эту тему.

Биологам Московского университета XX века посвящены десятки книг и буквально сотни статей и заметок. Давно изданы и широко известны академические очерки жизни Н.К.Кольцова и его учеников и соратников, А.С.Серебровского, А.Н.Формозова, С.С.Четверикова и многих других. Детально исследован в этом отношении и XIX век.

Однако, помимо блестящих ученых и преподавателей первого ряда, в нашем университете работали и работают сотни более скромных тружеников науки, биографии которых при поверхностном взгляде можно было бы счесть за рядовые. Но это далеко не так. Жизнь и труды множества ярких личностей ничуть не менее интересны, особенно в контексте непростой и временами трагической истории нашей страны в XX столетии.

Яков Авадьевич Бирштейн — известный специалист по зоологии беспозвоночных, доктор биологических наук, прекрасный лектор и педагог Московского университета. Как и многие яркие личности, он скончался, не дожив до 60 лет. О нем написал книгу сын, В.Я.Бирштейн, вот уже более 20 лет проживающий в США.

События жизни Я.А.Бирштейна представлены на фоне истории нашей страны. Автор книги, бывший диссидент, подает эту историю довольно выборочно и пристрастно, делая особый упор на враждебное отношение советской партийной бюрократии к независимой науке и независимым ученым, а также на государственный антисемитизм позднесталинского периода. Между тем кратный рост финансирования науки и соответственно числа научных работников в послевоенные годы очевиден и не может подвергаться сомнению. Советское государство давало деньги, и за эти деньги требовало результатов и послушания со стороны ученых, хотя последнее в корне противоречит сути научной деятельности. С другой стороны, ученые-естественники (не говоря уже о гуманитариях) в своих дискуссиях не брезговали использовать политические лозунги, и эта дурная практика была прекращена, похоже, только в 1960-е годы, вместе с уменьшением политического давления на естественные науки. Относительно антисемитизма — приходится с горечью признать, что это постыдное явление действительно имело место в нашей истории, и отнюдь не только на бытовом уровне. Как говорит мой дедушка, «евреи не любили Сталина, а Сталин не любил евреев»...

Почти вся жизнь Якова Авадьевича Бирштейна связана с Московским университетом — сначала учеба в 1928—1932 годы, затем преподавание — доцент с 1941-го, профессор с 1954 года и до конца жизни. Судя по отзывам, приведенным в книге, лекции Я.А. отличались яркостью и оригинальностью. Остается сожалеть, что материалы лекций так и остались неопубликованными, кроме учебника по зоогеографии, изданного в 1946 году («География животных», совместно с Н.А. Бобринским и Л.А. Зенкевичем).

В научной работе Я.А.Бирштейна можно выделить три основных направления. Первое — это карцинология, изучение фауны и систематики ракообразных животных (класс Crustacea). Я.А. был специалистом по равноногим ракам, или изоподам, исследовал как пресноводную, так и глубоководную фауну, описал многие десятки новых для науки видов

рачков. Я.А. — автор тома престижного издания «Фауна СССР» по пресноводным изоподам (1951) и монографии по глубоководным изоподам северо-западной части Тихого океана (1963). Обе эти книги впоследствии были переведены на английский язык, первая в Израиле, вторая — в Индии.

Второе направление — изучение пещерной фауны, раздел спелеологии — науки о пещерах. Эти исследования были начаты в СССР в самом конце 1930-х годов и особенно широко проводились в 1950—1960-е годы Я.А.Бирштейн активно участвовал в спелеологических экспедициях в Крым и на Кавказ, описывал обитающие в пещерах виды. К сожалению, после кончины Я.А. широкие исследования по пещерной фауне были во многом свернуты, оставшись делом немногих энтузиастов и любителей.

Третье направление — работы по зоогеографии. Это новые для своего времени идеи о реликтах, которые вошли в докторскую диссертацию Я.А.Бирштейна, защищенную в 1947 году, выделение глубинной зоны Мирового океана — ультраабиссали, и многое-многое другое, о чем написано в книге.

Особое направление по акклиматизации видов в исходно чуждые им местообитания, модное в 1930-е годы, я бы назвал «практической зоогеографией». И здесь Я.А.Бирштейн вместе с большим коллективом исследователей под руководством Л.А.Зенкевича прославился внедрением черноморского червя нереиса в Каспийское море. Практическая часть работы была проведена в предвоенные годы, в первую очередь для улучшения кормовой базы осетровых рыб. Исследования по влиянию нереиса на экосистемы Каспия продолжались и после войны. Не обошлось без склоки и скандала. Профессор кафедры дарвинизма Н.В.Лебедев обвинил Я.А.Бирштейна во вредительстве — якобы хищный нереис, напротив, подорвал кормовую базу осетровых рыб. Но в конечном счете, после долгих дискуссий, несмотря на организационный перевес Лебедева (он состоял в ВКП(б)-КПСС и был сторонником прославляемого тогда «творческого дарвинизма»), победа заслуженно осталась за Я.А.

К сожалению, Я.А.Бирштейн не слишком много публиковался на иностранных языках, а с 1936-го по 1954 год все его работы изданы на русском языке. Это связано со спецификой организации советской науки в те годы, когда даже общение с зарубежными коллегами было затруднено, а публиковаться заставляли исключительно по-русски или на языках народов СССР; в послевоенные годы из статей и книг исчезли даже резюме на иностранных языках, принятые в 1930-е годы.

Более того, уже в 1960-е годы Я.А.Бирштейна, несмотря на многочисленные приглашения, не пускали за рубеж, в западные страны. Не давали «добро» партийные органы. Удалось совершить только несколько поездок в «дружественные» страны, от Югославии до Индии, да сделать несколько заходов в тихоокеанские порты во время экспедиций на прославленном научно-исследовательском судне «Витязь». А в 1958 году Я.А., командированного на Международный зоологический конгресс в Лондон, сняли с самолета и отправили вместо него В.Е.Соколова, будущего академика и крупного организатора советской биологической науки, тогда только начинавшего свою блистательную карьеру. Это еще одна некрасивая страница нашей недавней истории.

Вызывает зависть общий культурный уровень того поколения ученых, к которому принадлежит Я.А.Бирштейн. Это и знание иностранных языков, и знакомства в кругах гуманитарной интеллигенции. Так, Я.А. был близко знаком со многими людьми, начиная с выдающегося художника Р.Р.Фалька и заканчивая А.В.Тимирёвой, гражданской женой А.В.Колчака.

Книга написана живо, даже художественно, с множеством бытовых подробностей, и читается с удовольствием. К чести автора книги, он старается не выпячивать значение своей фигуры на фоне яркой личности своего отца.

Недостатков оформления книги немного. Разве что нигде не указано, что за портрет помещен на обложке — очевидно, по вине издательства, а не автора. По-видимому, это портрет Я.А.Бирштейна работы Р.Р.Фалька, сделанный в 1945 году.

Возможно, книга написана недостаточно беспристрастно. Но именно в этом ее «изюминка». Такого рода издание, основанное не только на документах, но и на личных воспоминаниях, — прекрасный источник материала для историка науки.

Главное чувство, которое вызывает у меня эта книга, — глубокая тоска по ушедшему времени, по «веку ученых», когда заниматься наукой было престижно, а наука занимала столь важное место в жизни общества и — за исключением особо турбулентных времен — государства. Да, ученые были зависимы от государства, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. В наше время ученый освободился от идеологического пресса, попав под другой — финансовый. Добавим к этому быстро идущую унификацию науки по западному, англо-американскому образцу, растущую как снежный ком чудовищную бюрократизацию, и картина вырисовывается безрадостная.

Другое неприятное изменение — разреживание интеллектуальной прослойки, исчезновение людей, всесторонне

образованных, знающих несколько иностранных языков, умеющих петь и музицировать, интеллигентов во втором, третьем поколении... Да, ученые избавляются от кружковщины, семейственности, возможно, становятся лучшими специалистами в своей узкой области, лучшими исполнителями, но утеря некоторого «генерализма» (иными словами, широкого научного кругозора) очень печальна.

И третье — уход в прошлое «идеализма», фанатизма в отношении науки. Не так уж много молодых научных работников готовы трудиться преимущественно «за идею», особо не тревожась о зарплате. Это, по-видимому, связано с тем, что за последние 20—25 лет резко выросло число вненаучных «искушений» (начиная с изобилия роскошной еды и заканчивая возможностью зарубежных поездок); и для осуществления всего этого необходимы только деньги. Зарплаты научных работников до последнего времени были таковы, что подчас не хватало даже на лечение детей или родителей, и приходилось выбирать... Отношение к ученым в обществе изменилось, нищие фанатики вызывают только раздражение. Быть бедным стало немодно. Иронический взгляд на науку проник и в СМИ. Никогда не забуду издевательскую заметку, опубликованную в одной из центральных газет, кажется, в 1995 году, о конференции по суркам, которая состоялась в одном из региональных научных центров. «Кому нужны эти сурки?!» и «На что идут народные деньги?!» — таков был основной смысл этой статейки. Конечно, газетчикам было невдомек, что сурки и суслики в южных регионах России – переносчики возбудителя такого опасного заболевания, как чума...

Впрочем, похоже, в самые последние годы государство «взялось за ум», финансирование науки — со всеми маразмо-бюрократическими издержками, характерными для современной российской жизни, — возросло, возрождаются научно-популярные публикации, и даже СМИ, особенно электронные, стали както доброжелательнее...

К.Г.Михайлов